

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТАМОЖЕННОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА

Г.В. Игнатъева

*Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.,
заведующая кафедрой "Таможенного дела и товароведения", к.э.н., г. Саратов,
Россия*

tamssei@sstu.ru

Е.Ш. Курмакаева

*Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.,
доцент кафедры "Экономики и таможенного дела", к.э.н., г. Саратов, Россия*

elenakurmakaeva@rambler.ru

П.И. Прошунин

*Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.,
доцент кафедры "Экономики и таможенного дела", к.э.н., г. Саратов, Россия*

pavelbrand@yandex.ru

Параллельный импорт на протяжении более 20 лет был в России законодательно ограничен. Однако в связи с решением в феврале-начале марта 2022 года многих компаний, работавших в РФ, о прекращении своей деятельности в стране было принято решение о легализации трансграничного перемещения товаров без разрешения правообладателя.

Согласно статистическим данным за 2022-2023 годах, в РФ ввезено товаров в рамках программы параллельного импорта на сумму 70 млрд. долл. [1] В первый год действия программы ввезено товаров на общую сумму около 20 млрд долл., следовательно, во второй год – 50 млрд долл., т.е. в 2,5 раза больше.

Но в общем объеме импорта доля товаров параллельного импорта в денежном выражении невелика: в 2022 году составила 7,7%, в 2023 году – 16,7%, в 2024 году, согласно предварительным итогам, составляет 13%. Таким образом, можно говорить о невысокой его доли в общем объеме импорта товаров в Российскую Федерацию. Кроме того, в 2024 году стали заметны выраженные тенденции снижения ввоза товаров по программе параллельного импорта по отдельным категориям, в частности, транспортным средствам – автомобилям.

Одной из актуальных проблем, связанных со сложной геополитической ситуацией и невозможностью захода российских морских судов в европейские порты, является отказ крупных мировых логистических операторов от работы с российским рынком (датская AP Moller-Maersk, швейцарско-итальянская Mediterranean Shipping Company (MSC), и французская CMA CGM, японская ONE (Ocean Network Express), немецкая Hapag-Lloyd, тайваньская Yang Ming (на Новороссийск) и Shipco (на РФ и Белоруссию). Основными портами отгрузки товаров были Санкт-Петербург, Калининград и Новороссийск. Именно там была выстроена и в настоящее время недозагружена соответствующая инфраструктура, в том числе и таможенная. Большая часть параллельного импорта через порты Турции перенаправляется в порт Новороссийск, загрузка которого около 50%.

Основной поток импорта, в том числе и параллельного, осуществляется через порты российского Дальнего Востока – Восточный, Владивосток, Находка, Посьет и Зарубино (в Приморском крае), Ванино и Де-Кастри (в Хабаровском крае), инфраструктура, которых не была готова к переориентации логистических потоков России на восток и, как следствие, резкому увеличению грузопотока через них.

Резкое увеличение трафика привело к физическим ограничениям, дополнительным временным, транспортным и денежным затратам на таможенной границе, совпадающей с государственной границей Российской Федерации.

Переориентация логистических потоков потребовала принятия экстренных мер по ускорению оформления товаропотоков. Увеличена штатная численность таможенных органов подразделений ФТС России в Дальневосточном регионе страны, произошел их перевод на круглосуточный режим работы, в результате чего их пропускная способность увеличена почти в два раза. В отчете «Федеральная служба в 2023 году» декларируется практически решение многолетней проблемы очередей в пунктах пропуска в этом регионе. [2]

Другая проблема, с которой сталкиваются таможенные органы в условиях легализации параллельного импорта товаров – это неопределенность обязанности по идентификации ввозимых из Перечня товаров, разрешенных в рамках параллельного импорта, на таможенную территорию. Согласно действующему законодательству обязанности декларанта подтвердить оригинальность ввозимых товаров с признаками объектов интеллектуальной собственности, внесенных в Перечень товаров, разрешенных в рамках программы параллельного импорта, полностью не урегулированы. Пока остаются не решенными вопросы степени и форм проведения контроля в отношении товаров из указанного Перечня [6, с. 40], поскольку невозможно получить непосредственно у правообладателя ответ об оригинальности товара. Следовательно, необходимо привлечение независимых экспертов при проведении таможенной экспертизы товаров и других мер обеспечения таможенного контроля (например, представление совокупности контрактов, с помощью которых подтверждается приобретение товара с признаками объекта интеллектуальной собственности у правообладателя). [4]

С указанной проблемой тесно связана и другая, о которой предупреждали многие эксперты, – это увеличение объемов контрафакта. Если в 2021-2022 годах тенденция может быть замечена только, если осуществить глубокий анализ статистических данных, то в 2023 года она стала очевидна при изучении количественных показателей в абсолютных значениях.

Так, если сравнивать уровень выявленного контрафакта в абсолютных значениях в 2022 году относительно 2020 и 2019 годов, то он окажется ниже предыдущих лет. Но если сравнивать с 2021 годом, то заметна обратная динамика: рост количества контрафактных единиц товаров на 1 млн. штук или на 13,8%. Следует учесть снижение объема импорта в 2022 году по сравнению с предыдущим годом, а это означает увеличение доли контрафакта за год в 1,3 раза. В 2023 году тенденция увеличения контрафакта в объеме импорта стала более заметна, она выражена ростом показателей в абсолютных значениях: с 4,6 млн единиц до 4,9 млн. Таким образом, прирост составил 18,75%. О росте контрафакта в совокупном объеме импорта прямо указывается в ежегодном отчете Федеральной таможенной службы России, опубликованном на официальном электронном ресурсе государственного органа. [2]

Основные нарушения приходятся на потребительские товары, используемые физическими лицами: линейка товаров индустрии моды (fashion), косметика и парфюмерия, запчасти и аксессуары для автомобилей и других средств перемещения (велосипеды).

География поставок контрафактных товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, на протяжении двух лет следующая: основная доля подделок поставляется из Китайской Народной Республики (35%); из стран, входящих в Евразийский экономический союз, ввозится 18% контрафакта; 12% поставок осуществляется из Турецкой Республики; 10% из Италии, 5% приходится на Таиланд. [2] Большинство из перечисленных стран стали ключевыми торговыми партнерами Российской Федерации в 2022 году, т.е. в момент легализации параллельного импорта. Обеспокоенность ввозом контрафактных товаров из

китайкой народной республики и стран Содружества независимых государств способствовала усилению взаимодействия таможенных органов указанной страны и объединения по организации постоянного обмена информацией в рамках международного сотрудничества.

Борьба с трансграничным трафиком контрафакта отнесена к компетенции таможенных органов, которые пытаются выявить товары с признаками подделки в ходе таможенного контроля: до, во время и после пересечения таможенной границы. Основными каналами поступления контрафактных товаров являются ввоз товарных партий коммерческими фирмами с сомнительной репутацией, международные почтовые отправления (поставки товаров, купленных у иностранных продавцов на маркетплейсах), перемещение физическими лицами коммерческих партий товаров под видом предметов личного пользования.

Основными формами выявления контрафакта являются декларирование и контроль после выпуска товаров (постконтроль), однако таможенные органы отдают предпочтение то одной форме, то другой. Заметен и рост интереса таможенных органов к товарам, перемещаемым физическими лицами, посредством международных почтовых операций и рост объема иного, к которому отнесены бесхозные и другие товары.

В 2020 основная масса контрафактных товаров была выявлена на этапе декларирования: на эту форму контроля приходится 70% от общего объема товаров с признаками подделки. В ходе проведения проверок после выпуска товаров таможенными органами обнаружено 20% совокупного количества контрафакта. [2]

В следующем году основной формой таможенного контроля стал постконтроль, при его проведении выявлено больше половины контрафактных товаров, ввезенных на территорию РФ (55%). На этапе декларирования выявлено 42% таких товаров. На другие категории (ввоз физическими лицами, через международные почтовые отправления и «иное», в неё включены бесхозные и другие товары, приходилось по 1% на каждую. [2]

В 2022 году практически два из трех контрафактных товаров обнаружены при декларировании, один из трех – на этапе постконтроля. На три другие категории приходилось 4,7%, среди них наибольшая – «иное» (4,2%). Доли контрафактных товаров, перемещаемых физическими лицами, и посредством международных почтовых отправок, составляла 0,3% каждая. [2]

В 2023 году на этапе постконтроля таможенного контроля выявлено 55,8% контрафактной продукции, на стадии декларирования – 34%, на остальные приходятся 10,7%. Доля «иного» (бесхозные товары и др.) достаточно большая и составляет 10%, посредством международных почтовых отправок перемещалось 0,5% контрафактных товаров; на долю физических лиц, пытающихся перевести через таможенную границу товары с признаками нарушения законодательства об охране прав, приходилось 0,2%. [2]

Проведем анализ предотвращенного ущерба от контрафактных товаров правообладателям. Здесь следует сказать об ограничении в оценке, поскольку ФТС России с 2022 года перестала публиковать соответствующую информацию на собственном электронном ресурсе, к которому открыт доступ. Оценка возможна только косвенная. В 2021-2023 годах можно заметить общую тенденцию к снижению величины ущерба, что можно объяснить невозможностью непосредственно обратиться к правообладателю для проведения экспертизы товара на оригинальность, поскольку в таможенном реестре объектов интеллектуальной собственности количество объектов с действующим статусом сократилось в 2022 году на 17,8% до 1769, тогда как в 2021 году такой статус имели 2153 объекта. В 2023 году с таким статусом было зарегистрировано 1676 объектов, из них 32,6% принадлежали российским правообладателям.

В настоящее время таможенные органы не могут напрямую обратиться к правообладателю за экспертизой подлинности товара, если товар официально не

поставляется в РФ. Фактически таможенные органы вынуждены проводить её самостоятельно. Исключение из процедуры правообладателя повышает риск признания контрафакта оригинальным товаром, поскольку невозможно полное исключение заинтересованности эксперта в результате экспертизы. Иными словами, повышается риск рентоориентированного поведения эксперта.

Еще одним тревожным сигналом в этой области стало принятое решение Верховного суда Российской Федерации смягчающего ответственность за продажу контрафакта [5]. Так в деле о контрафактных очках Chanel и Dior Судом принято решение о невозможности взыскания убытков в пользу правообладателя по стоимости оригинальной продукции, если подделки относились к другой ценовой категории, нежели товар указанных производителей. Иными словами, продавцы явного контрафакта понесут меньшую ответственность, чем те, кто выдает подделки за оригинал. Такое решение способно расширить объемы поставок явного контрафакта.

Другим таким сигналом о смягчении ответственности продавца является отказ от идеи Министерства торговли Российской Федерации о дополнительном символе (маркировки, обозначении) продукции, ввезенной по схеме параллельного импорта и продаваемой на маркетплейсах. Первоначально идея заключалась в необходимости информирования покупателя о возможных рисках такой покупки.

Следующая проблема, на которую следует обратить внимание в рамках изучаемой темы, связана с риск-категорированием товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности. Такие товары не выпускаются российскими таможенными органами в автоматическом режиме, хотя могут быть отнесены к товарам с низким уровнем риска. Это связано со спецификой применяемой процедуры риск-категорирования товаров. При оценке товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, применяются общероссийские профили риска, а не целевые (риск-категорирование по одному приоритетному профилю риска) [8, с. 80].

Применение описанной процедуры приводит к увеличению сроков выпуска товаров с признаками объектов интеллектуальной собственности, которые отнесены к категории с низким уровнем риска, если они помещаются под такие таможенные процедуры, как выпуск для внутреннего потребления или экспорт.

Уход с российского рынка правообладателей обострило проблему, которая и раньше была известна должностным лицам таможенных органов, - сложность выявления контрафакта на этапе первичного таможенного контроля декларируемых товаров. Эта проблема обусловлена рядом факторов:

- отказ от тотального контроля всего трансграничного трафика товаров из-за его объема и необходимости оптимизации затрат таможенных органов и участников внешнеэкономической деятельности и применение принципа выборочности при досмотре товаров при срабатывании риск-профилей (недостатками методологии разработки профилей риска);

- оппортунистическое поведение участников внешнеэкономической деятельности (использование пересортицы);

- низкий уровень взаимодействия между таможенными органами и другими государственными органами исполнительной власти федерального уровня в рамках Единой системы межведомственного электронного взаимодействия. [3, с. 125]

Ввоз на территорию Российской Федерации контрафактных товаров отчасти является следствием недостаточного уровня информационного обеспечения действующей системы управления рисками. Применяемая Федеральной таможенной службой России указанная система разработана на основе формально-логического принципа, реализация которого позволяет осуществлять проверку электронных деклараций на товары, в том числе и содержащих объекты интеллектуальной собственности. Особенностью системы управления рисками, основанной на формально-логическом контроле электронной декларации на товары,

заключается в ограниченности информации о товарах, содержащейся в центральной базе данных Единой автоматизированной информационной системы таможенных органов и Единой автоматизированной информационной системы ФНС России.[3] Такая ситуация оказывается следствием низкого уровня интеграции указанных баз данных со сведениями, содержащимися в других базах данных, контролируемых другими государственными органами. Фактически это означает неиспользование баз данных других государственных контролирующих органов при применении формально-логического анализа электронных деклараций на товары.

Таким образом, при принятии решения об уровне риска подконтрольного товара, содержащего объекты интеллектуальной собственности, система управления рисками не учитывает полный массив информации о товаре, что снижает эффективность проведения в отношении них документального и фактического контроля.

Для защиты товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности, разработан и применяется специальный инструмент: Единый таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности, территориальная сфера его действия распространяется на пять государств, входящих в Евразийский экономический союз.

Однако есть особенность его применения, которая снижает его эффективность, – внесение объектов интеллектуальной собственности в национальный реестр не предполагает автоматический трансфер этого объекта в наднациональный реестр таких товаров. Следовательно, в Российскую Федерацию возможен ввоз товаров с признаками нарушения авторского права из других государств, образующих единую таможенную территорию в рамках Евразийского экономического союза.

В заключении можно сделать вывод о возникновении новых и обострении существующих проблем, решение которых необходимо найти таможенным органам России при легализации параллельного импорта отдельных групп, наименований товаров и товарных марок. Среди них опасность увеличения потока контрафакта, отсутствие межведомственного взаимодействия при его выявлении, неготовность таможенной инфраструктуры дальневосточных портов России к переориентации товарного потока на новую локацию ввоза импорта.

Список использованных источников

1. Белоусов оценил объем параллельного импорта за два года в \$70 млрд [Электронный документ]. Режим доступа: URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/12/21/1012361-obem-parallelnogo-importa?ysclid=m3bs9oy0am796373749> (дата обращения: 9.11.2024)

2. Ежегодный сборник "Таможенная служба Российской Федерации" [Электронный документ]. Режим доступа: URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii> (дата обращения: 9.11.2024)

3. Коптева Л.А., Романова И.В. Совершенствование таможенных операций и таможенного контроля объектов интеллектуальной собственности в рамках ЕАЭС // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. №3 (69). С. 120-128.

4. Матвеева Н.В., Борисова Е.М., Цушка Н.Н. Проблемные вопросы совершения таможенных операций и проведения таможенного контроля в отношении товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова - филиала Российской таможенной академии. 2022. № 3 (83). С. 31-36.

5. Определение Верховного суда РФ от 07.02.2023 №308-ЭС22-17045 по делу N А63-6499/2021 // СКС Гарант плюс <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406245995/>

6. Руднева З.С., Безотецкая И.П. Легализация параллельного импорта: проблемы применения и перспективы использования // Тренды и инициативы устойчивого развития внешнеэкономической деятельности, логистики и таможенного администрирования: Сбор. докл. / под редакцией З.С. Рудневой. Хабаровск, 2022 С. 35-42.

7. Таможня для всех – российский таможенный портал «ТКС» RU. URL: <http://www.tks.ru> (дата обращения: 9.11.2024)

8. Хватов А.В. Таможенный контроль товаров, содержащих ОИС, в условиях реформирования таможенной службы // Копирайт (вестник Академической интеллектуальной собственности). 2021. № 1. С. 76-84.